

ЭКОНОМИКА ДИАСПОР: ДИНАМИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА О КАНАЛАХ ВЛИЯНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ДОБРОВОЛЬНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

М. А. Валуева

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия

В статье систематизированы экономические исследования проблемы экономики диаспор в двух измерениях: каналы влияния (денежные переводы; торговля, прямые и портфельные инвестиции; знания, инновации и предпринимательство) и политика добровольного возвращения. Анализ основан на нормализованном корпусе из 4 948 публикаций за период с 1970 по 2025 г., охватывающем 623 журнала. По дескриптивным и эмпирическим работам прослеживаются устойчивые связи: денежные переводы соотносятся со снижением показателей бедности и ростом частных инвестиций домохозяйств; диаспорные сети – с увеличением экспорта и вероятности прямых иностранных инвестиций; научные и предпринимательские сообщества мигрантов – с публикационной и патентной активностью и созданием фирм. В отношении государственной политики обобщены практики регулирования правового статуса, режимов въезда и пребывания, налогового регулирования, академических и предпринимательских треков, а также сервисов реинтеграции. Статистические оценки фиксируют эффект программ возврата; вариация размеров эффекта связана с составом применяемых мер и институциональными параметрами их исполнения. Представленная структура позволяет сопоставлять программы по показателям возврата и удержания, занятости, инновационной активности и привлечения инвестиций и выделять направления, где необходимы более строгие причинные оценки и повышение полноты и сопоставимости статистической базы.

Ключевые слова: диаспоры, миграция, денежные переводы, торговля, прямые иностранные инвестиции, портфельные инвестиции, трансфер знаний, научные диаспоры, предпринимательство, возврат мигрантов (репатриация), политика взаимодействия с диаспорой.

ECONOMY OF EXPAT COMMUNITY: DYNAMICS OF ACADEMIC DISCOURSE ABOUT IMPACT CHALLENGES AND STATE POLICY OF VOLUNTARY RETURN

Maria A. Valueva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation,
Moscow, Russia

The article systematized economic research concerning the issue of expat community economy in two aspects: impact channels (cash remittances, direct and portfolio investment; knowledge, innovation and entrepreneurship) and policy of voluntary return. Analysis is based on standardized block of 4 948 publications in the period from 1970 to 2025 that covers 623 journals. In descriptive and empiric works we can observe stable links: cash remittances correspond to a drop in poverty indicators and a rise in private investment of households; expat community networks – to increase in export and possibility of direct foreign investment; academic and business communities of migrants – to publication and patent activity and company setting-up. In terms of state policy the following practices were generalized: regulation of legal status, conditions of entry and stay, tax regulation, academic and business tracks

and reintegration services. Statistic data show the return program effect; options of effect amounts are connected with the character of measures and institutional parameters of their implementation. The provided structure helps compare programs by indicators of return and retention, employment, innovation activities and raising investment and identify trends, where more strict cause estimations are necessary, as well as more complete and comparable statistic base.

Keywords: expat communities, migration, cash remittances, trade, direct foreign investment, portfolio investment, knowledge transfer, academic expat communities, entrepreneurship, migrant return (repatriation), policy of interaction with expat community.

Введение

С конца XX в. диаспоры перестали рассматриваться лишь как побочный продукт миграции и прочно вошли в повестку экономических исследований как самостоятельные агенты транснациональной экономической активности. Расширение географии и интенсивности международных перемещений, удешевление коммуникаций и развитие финансовой инфраструктуры придали этим сетям устойчивость: за денежными переводами последовали более сложные формы взаимодействия – торговля дифференцированными товарами, трансграничные инвестиции, передача знаний и предпринимательские проекты. Для стран происхождения диаспоры выступают своеобразными каналами обратной связи, уменьшающими информационные и институциональные издержки интеграции в мировую экономику; для принимающих стран они являются источником человеческого капитала и носителями связей с внешними рынками. Таким образом, диаспора – не только демографический факт, но и экономический ресурс, чья отдача определяется качеством институтов, глубиной сетей и архитектурой государственной политики.

Несмотря на обширный массив работ, в международной литературе длительное время преобладали узконаправленные исследования, сосредоточенные на отдельных каналах: денежные переводы анализировались отдельно от торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ), научные диаспоры – отдельно от предпринимательства, а утечка мозгов – отдельно от феноменов циркуляции навыков и возврата. Между тем для выработки практических решений важен системный

взгляд, связывающий эти каналы в единую логическую рамку. Экономические эффекты диаспор проявляются на разных уровнях – от домохозяйств (потребление, сбережения, инвестиции в образование) и фирм (экспортные контракты, совместные предприятия, стартапы) до отраслей и стран (структура экспорта, приток ПИИ, инновационная активность). Сильная сторона современного подхода – движение от описательных корреляций к идентификационным стратегиям, позволяющим отделять причинные эффекты от сопутствующих факторов. Однако доказательная база сформирована неравномерно по темам и регионам, что требует систематизации и сопоставления.

В данном исследовании мы предлагаем именно такую систематизацию. Во-первых, выделяются ключевые экономические каналы влияния диаспор – денежные переводы; торговля, ПИИ и портфельные вложения; трансфер знаний, публикационная и патентная активность, предпринимательство; динамика навыков в контексте утечки и циркуляции мозгов. Во-вторых, отдельным блоком рассматриваются государственные практики взаимодействия с диаспорами, включая инструменты стимулирования добровольного возвращения и реинтеграции: визово-статусные режимы, налоговые стимулы, академические и технологические треки, предпринимательские гранты и сервисы сопровождения. Двухблочная структура анализа позволяет сопоставить экономические функции диаспоры с набором государственных инструментов, определить их совместимые конфигурации и оценить, какие из них обеспечивают не только возврат, но и удержание, занятость, инновационную ак-

тивность и локальное закрепление сетевых эффектов.

Эмпирическая база исследования сформирована как крупный, репрезентативный корпус публикаций за 1970–2025 гг. на ведущих издательских платформах. Представленные результаты получены на основе модульных поисковых выборок; метаданные записей унифицированы, дубликаты устранены (по DOI с резервом по названию и году), наблюдения агрегированы по календарным годам, изданиям и тематическим направлениям. Такая процедура обеспечивает одновременный анализ динамики публикационной активности по соответствующим темам и устойчивых межтематических зависимостей, а также позволяет упорядочивать эмпирические работы по степени строгой идентификации – от каузальных оценок к описательным исследованиям. Итоговый интегрированный массив пригоден для сопоставимого межтемпорального и межжурнального анализа и выявляет участки литературы с ограниченной каузальной базой по отдельным странам и инструментам политики. Практическая значимость обзора заключается в том, что он переводит абстрактную идею «мобилизации потенциала диаспоры» в язык конкретных экономических механизмов и измеримых показателей. В логике предложенной рамки можно проектировать комплексные программы взаимодействия с диаспорами и репатриантами – от статуса и признания квалификаций до канала трудоустройства, инновационных проектов и соинвестиций, сопоставляя ожидаемые эффекты по уровню домохозяйств, фирм и регионов. Тем самым диаспора перестает быть исключительно объектом внешней политики или культурной повестки и становится частью инструментального набора экономической политики развития.

Методология

Методология исследования опирается на модульный, воспроизводимый сбор

библиографических данных из ведущих источников: издательские платформы (Elsevier/ScienceDirect, Wiley Online Library, Oxford Academic, SpringerLink, Taylor & Francis, SAGE), международные аналитические ресурсы (OECD iLibrary) и русскоязычный сегмент (eLIBRARY). Временные рамки (1970–2025) заданы из соображений содержательной полноты и сопоставимости данных. Нижняя граница приходится на период формирования современной экономической повестки миграции и диаспор: в 1970-х появляются теоретические и прикладные работы об утечке мозгов, трансграничной мобильности квалификаций и денежных переводах, на которые опираются последующие эмпирические исследования. Включались исследовательские статьи, обзоры и главы книг на английском и русском языке (исключались редакционные заметки и комментарии).

Поиск выполнялся по двум блокам: А – экономические каналы влияния диаспор (А1 – денежные переводы; А2 – знания, инновации и предпринимательство; А3 – торговля, ПИИ/портфель и литература по brain drain/brain gain); В – политика взаимодействия и возврата (В1 – инструменты и институты; В2 – каузальные оценки эффектов) (табл. 1). Запросы задавали в полях Title/Abstract/Keywords с дисциплинарными фильтрами (economics, business/management, development). Затем мы объединяли результаты, приводили метаданные к единому формату (год, журнал, тип, DOI, аннотация, ключевые слова), удаляли дубликаты по DOI с резервным ключом «нормализованное название + год» и присваивали записям коды по модулю, каналу, используемым методам и целевым исходам. При интерпретации приоритет отдавался работам с причинной идентификацией; агрегаты по годам, журналам и модулям использовались как дескриптивная карта поля.

Представленный корпус после удаления дублей насчитывает 4 948 уникальных публикаций за 1970–2025 гг. Публикации распределены по модулям неравномерно:

B1 (институты и инструменты политики взаимодействия/возврата) – 2 617 записей, т. е. около 53% корпуса; A3 (торговля, ПИИ/портфель, а также литература по brain drain/brain gain) – 776 (~16%); A1 (денежные переводы) – 707 (~14%); A2 (знания, инновации и предпринимательство, включая научные диаспоры) – 699 (~14%); B2 (каузальные оценки эффектов возврата) – 149 (~3%). Временная динамика демонстрирует устойчивый рост публикаци-

онной активности с ускорением после начала 2000-х; наибольшее расширение наблюдается в блоках A3 и B1, что отражает одновременно институционализацию направлений «диаспоры и внешнеэкономические связи» и «государственная политика взаимодействия/репатриации». Сравнительно небольшой объем B2 согласуется с более высокими требованиями к идентификации и ограниченной доступностью данных для строгой оценки эффектов.

Т а б л и ц а 1

Сводная характеристика тематических блоков исследования*

Блок	Доля корпуса, %	Публикации	Фокус анализа	Типичные исходы/метрики
B1 – политика / программы возврата	52,9	2 617	Визово-статусные режимы, налоги, академические/технотреки, предпринимательские гранты, реинтеграция	Доля возврата; удержание 12–36 месяцев; занятость/зарплата; стартапы/ПИИ
A3 – торговля/ ПИИ/портфель; brain drain/brain gain	15,7	776	Диаспорные сети в торговле, ПИИ и портфельные инвестиции; информационные/контрактные издержки; эффекты утечки/циркуляции	Экспорт/импорт; вероятность ПИИ; портфельные потоки; сложность экспорта
A1 – денежные переводы (remittances)	14,3	707	Поведенческие мотивы переводов, устойчивость потоков, микро-последствия для домохозяйств	Бедность; потребление; инвестиции домохозяйств (жилье, образование, МСП)
A2 – знания/ инновации/ предпринимательство	14,1	699	Научные диаспоры, соавторства, патенты, «возвратное» предпринимательство и стартап-сети	Публикации; цитирования; патенты; создание фирм / венчурная активность
B2 – каузальные оценки возврата	3,0	149	DiD, IV, event study, RDD; оценка эффектов программ возврата/реинтеграции	Вероятность возврата; время до трудоустройства; удержание; налогооблагаемая база; патенты/стартапы

* Составлено по результатам модульной сводки корпусов А и В (после дедупликации по DOI). Доли рассчитаны от общего корпуса после дедупликации ($N = 4\,948$ публикаций, 1970–2025 гг.).

Содержательные срезы по блокам укладываются в последовательную картину. В A1 переводы устойчиво коррелируют со снижением бедности, сглаживанием потребления и ростом частных инвестиций (жилье, образование, малый бизнес), при-

чем выраженность инвестиционных эффектов возрастает при развитой платежно-банковской инфраструктуре и сниженных транзакционных издержках. В A3 диаспорные сети ассоциируются с ростом экспорта (особенно по дифференцирован-

ным товарам), более высокой вероятностью ПИИ и заметным участием в портфельных потоках; работы по brain drain/brain gain фиксируют неоднородные чистые эффекты, зависящие от внутренних институтов и наличия каналов обратной связи (сигнальные и сетевые механизмы). В А2 наблюдается вклад научных и предпринимательских диаспор в трансфер знаний: увеличиваются совместные публикации и количество патентов, активизируются предприниматели-репатрианты и транснациональные стартап-связи.

Блок В показывает широкую палитру инструментов – визово-статусные и налоговые режимы, академические и технологические треки, предпринимательские гранты и сервисы реинтеграции; при этом результаты работ с причинной идентификацией (В2) указывают на статистически значимые, но неоднородные эффекты возврата и удержания, чувствительные к конфигурации мер и качеству администрирования (скорость процедур, признание квалификаций, сопровождение занятости). Такая структура результатов задает ясные ориентиры для последующего сопоставления программ по метрикам возврата/удержания, занятости, инновационной активности и привлечения инвестиций. Чтобы понять источники выявленных закономерностей, обратимся к эволюции научной литературы и ключевым этапам ее развития.

Развитие исследований экономики диаспоры

Исследования роли диаспор в социально-экономических процессах формировались постепенно, и на протяжении второй половины XX – начала XXI в. можно выделить несколько этапов. В отличие от установившихся направлений экономики систематического описания динамики этого процесса в научной литературе до сих пор немного. Чаще встречаются обзоры, сосредоточенные на отдельных аспектах: денежных переводах, миграции квалифицированных специалистов, транснациональных

сетях или инструментах финансирования. Эти работы позволяют понять эволюцию взглядов в рамках отдельных тем, но не дают целостного представления о развитии исследований диаспоры как фактора экономического развития [19].

Наиболее разработанным направлением стали исследования денежных переводов. Р. Э. Б. Лукас и О. Старк показали, что переводы имеют не только альтруистическую, но и контрактную природу, выполняя функции взаимного страхования и инвестиций в развитие домохозяйств [30]. Х. Рапопорт и Ф. Докер систематизировали эти подходы [35], а Р. Х. Адамс и Дж. Пейдж эмпирически доказали, что переводы снижают уровень бедности [13]. С. Саломоне поставила вопрос о стабильности этих потоков, подчеркнув, что они являются важным, но не всегда устойчивым источником финансирования [38].

Вторая линия исследований связана с миграцией квалифицированных специалистов. Дж. Бхагвати и К. Хамада показали, что отток кадров может иметь долгосрочные негативные последствия [17]. Вместе с тем Бхагвати предложил компенсаторный налог на эмиграцию [16]. Позднее А. Маунтфорд теоретически описал возможность «полезной утечки мозгов» [31], а О. Старк, С. Хелмейнстейн и А. Прскавец уточнили этот эффект [42]. М. Бейн, Ф. Докер и Х. Рапопорт подтвердили эти выводы на межстрановых данных [15], а Докер обобщил их [18].

Третье направление – диаспорные сети и международная интеграция. Д. М. Гоулд показал влияние иммигрантов на торговлю США [23]. К. Хэд и Дж. Риес подтвердили это для Канады [24], а Дж. Рауч и В. Триндаде выявили значение китайской диаспоры [36]. Б. С. Яворчик, Ч. Озден, М. Спатареану и К. Неагу показали, что миграционные связи увеличивают вероятность ПИИ [25], а Д. Лебланг распространил выводы на портфельные инвестиции [29]. Х. Рапопорт подчеркивает роль диаспор как транснациональных сетей, влияющих на торговлю и знания [33; 34]. Со-

временные исследования показывают, что влияние диаспор может быть несоразмерно велико по отношению к их численности [32].

С начала 2000-х гг. развивалась литература о диаспорах как каналах передачи знаний и инноваций. А. Саксониян показала роль индийской и китайской общин [39]. А. Агравал, Д. Капур, Дж. Макхейл, А. Оттл подчеркнули важность связей изобретателей [14]. У. Р. Керр и У. Ф. Линкольн связали миграцию по визам H-1B с ростом количества патентов [27]. Б. Сеген, Л. Сингер и А. Даар показали роль научных диаспор в «циркуляции мозгов» [40].

Важное направление – финансовые инструменты диаспор. С. Кеткар и Д. Рата систематизировали опыт облигаций [28]. А. Фернандес расширил рамку до предпринимательства, передачи навыков и благотворительности [22]. Т. Фанг и Дж. Велс показали, что современные технологии усиливают экономическую роль диаспор [21]. М. Рейс подчеркнул эволюцию концептуальных моделей от классического еврейского примера к более широким трактовкам [37].

Таким образом, развитие исследований экономики диаспоры условно проходит несколько этапов: от позитивных ожиданий 1950–1960-х гг. через акцент на проблемах и потерях в 1970–1980-е гг. к более сбалансированным подходам в 1990-е, последующему усилению интереса к инновациям и финансовым инструментам в 2000-е и институционализации взаимодействия с диаспорами в 2010-е гг. Сегодня диаспоры рассматриваются как значимые агенты международной экономики, обладающие потенциалом для развития стран происхождения и оказывающие влияние на принимающие государства.

Систематизация научных каналов влияния диаспоры

Экономическое влияние диаспоры на страны происхождения проявляется через несколько устойчивых каналов, которые в литературе получили как теоретическое

обоснование, так и эмпирические подтверждения. Первый канал связан с частными трансграничными переводами домохозяйств. Классические работы показывают, что переводы мотивируются не только альтруизмом, но и контрактными отношениями внутри семьи, выполняя функции взаимного страхования и совместного инвестирования в человеческий и физический капитал [30]. Обзорная литература систематизирует эти механизмы и фиксирует макроэкономические эффекты в виде снижения бедности и сглаживания потребления, особенно в экономиках с ограниченным доступом к кредитам [35]. При этом устойчивость и цикличность переводов остаются предметом дискуссии: в одних контекстах они ведут к росту сбережений и инвестиций, в других – преимущественно поддерживают текущее потребление, что ограничивает их вклад в долгосрочный рост [19].

Второй канал связан с динамикой человеческого капитала и миграцией квалифицированных специалистов. Ранние теоретические модели трактовали отток квалифицированных специалистов как чистые потери и предлагали компенсационные механизмы, включая налог на эмиграцию [16]. Начиная с 1990-х гг. литература указала на возможность положительных стимулов к накоплению человеческого капитала в стране происхождения из-за самой опции эмиграции (beneficial brain drain), что при определенных параметрах может частично компенсировать утечки [31]. На межстрановых данных зафиксированы как «выигрывающие», так и «проигрывающие» экономики, а величина чистого эффекта зависит от масштабов оттока и структуры образования [15].

Третий важный канал – снижение информационных и транзакционных издержек во внешнеэкономических связях через диаспорные сети. Эмпирические исследования на данных США и Канады показали, что иммигрантские сообщества увеличивают двустороннюю торговлю со странами происхождения, выступая посредниками

доверия, языка и деловых стандартов [23]. Для китайской диаспоры показано, что эффект особенно велик в сегментах дифференцируемых товаров, где роль неформальных сетей наиболее значима [36]. Аналогичные механизмы действуют и для инвестиций: наличие мигрантов в стране назначения повышает вероятность и объем прямых иностранных инвестиций в страну происхождения, а также облегчает портфельные вложения благодаря снижению «дистанции по информации» [25].

Четвертый канал – распространение знаний и развитие инноваций. Исследования транснациональных профессиональных сообществ фиксируют, что контакты с эмигрировавшими специалистами, а также предприниматели-репатрианты и ученые способствуют формированию предпринимательских экосистем и передаче технологических компетенций в страны происхождения [39]. На данных показано, что связи изобретателей через миграцию усиливают международные потоки знаний и коммерциализацию идей, а приток/циркуляция высококвалифицированной рабочей силы повышают изобретательскую активность [14]. Параллельно в литературе по научным диаспорам подчеркивается, что речь идет не только об утечке, но и о циркуляции знаний, которая зависит от институциональных условий и плотности сетей [40].

Пятый канал – специализированные финансовые инструменты, с помощью которых государства и частные агенты привлекают ресурсы диаспоры в долгосрочные проекты. В работах обобщен опыт эмиссий диаспорных облигаций (Израиль, Индия и др.), где спрос опирается на «привязанность» и информированность инвесторов из диаспоры; такие инструменты показали устойчивость в стрессовые периоды и способность мобилизовать значительные объемы «терпеливого капитала» [28]. В более широком плане экономиче-

ская вовлеченность диаспоры проявляется также через предпринимательство, наставничество, передачу навыков и благотворительность; вклад этих форм фиксируется как в кейс-стади, так и в межстрановых сравнениях [22].

Отдельного внимания заслуживает канал возврата и реинтеграции мигрантов. В теории и эмпирике показано, что решения о возвращении зависят от жизненного цикла, ожиданий заработка, накопленного капитала и институциональных условий дома; временная миграция может приводить к переносу накопленных навыков, предпринимательских стратегий и сбережений в страну происхождения [20]. Для государственной политики это означает, что дизайн стимулов (налоговые и визовые режимы, гранты для исследователей, программы поддержки стартапов, сервисы релокации) способен влиять на масштабы и качество возвращения, в том числе на долю возвратных проектов с высокой добавленной стоимостью [19].

В сумме перечисленные каналы образуют связную систему: частные переводы и специализированные финансовые инструменты обеспечивают ликвидность и инвестиционные ресурсы; сети диаспор снижают информационные барьеры в торговле и инвестициях; миграция квалифицированных специалистов формирует внешние эффекты в человеческом капитале; транснациональные профессиональные связи ускоряют передачу знаний и инноваций; программы возвращения и реинтеграции позволяют конвертировать накопленные за рубежом ресурсы в развитие на родине. Баланс эффектов по каждому каналу зависит от институциональной среды страны происхождения, структуры диаспоры и качества государственной политики, что задает эмпирическую повестку для последующего анализа на данных конкретных стран [19; 25; 27] (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Систематизация каналов экономического влияния диаспор*

Канал влияния	Тип экономического эффекта	Метрики/индикаторы	Реперные публикации
Переводы (remittances)	Сглаживание потребления; снижение бедности; частичное финансирование инвестиций домохозяйств	Объем/доля переводов в ВВП; эластичность бедности к переводам; дисперсия доходов; доля переводов в образование/бизнес	Lucas R. E. B., Stark O. [30]; Rapoport H., Docquier F. [35]; Adams R. H., Page J. [13]
Человеческий капитал (brain drain / brain gain)	Изменение стимулов к образованию; селективность оттока; возможные чистые выигрыши/потери	Доля высококвалифицированных кадров среди эмигрантов; охват высшим образованием; оценка winners/losers по странам	Bhagwati J. N., Hamada K. [17]; Bhagwati J. N. [16]; Mountford A. [31]; Beine M., Docquier F., Rapoport H. [15]; Docquier F. [18]
Торговля через диаспорные сети	Снижение информационных/транзакционных издержек; рост экспорта/импорта	Эластичность торговли к размерам диаспоры; гравитационные модели; большой эффект для дифференцируемых товаров	Gould D. M. [23]; Head K., Ries J. [24]; Rauch J. E., Trindade V. [36]
ПИИ и портфельные инвестиции	Рост вероятности/объемов ПИИ; облегчение портфельных вложений в страну происхождения	Вероятность наличия ПИИ (probit/IV); объемы ПИИ; доля портфельных потоков; прокси информационной дистанции	Javorcik B. S., Özden Ç., Spatareanu M., Neagu C. [25]; Leblang D. [29]
Знания, инновации, предпринимательство	Передача знаний/технологий; рост изобретательской активности; формирование транснациональных стартап-сетей	Количество патентов и цитат; доля «этнических» патентов; сети соавторства/соизобретения; показатели стартап-активности	Saxenian A. [39]; Agrawal A., Kapur D., McHale J., Oettl A. [14]; Kerr W. R., Lincoln W. F. [27]; Seguin B., Singer L., Daar A. [40]
Финансовые инструменты диаспоры (облигации и др.)	Мобилизация «терпеливого капитала» на инфраструктуру/образование; устойчивость к шокам	Объем и частота размещений; спред к суверену; доля диаспоры в подписке; коэффициент home bias	Ketkar S., Ratha D. [28]
Возврат/репатриация и реинтеграция	Перенос накопленных за рубежом навыков/капитала; предпринимательство возвращенцев	Уровень/вероятность возвращения; доля предпринимателей среди возвращенцев; зарплатные/производственные премии; выживаемость фирм	Dustmann C., Görlach Y. [20]; Docquier F., Rapoport H. [19]

* Составлено по материалам исследований.

Международные практики массового возвращения

Сопоставимый международный опыт показывает, что устойчивые результаты репатриации достигаются пакетами инструментов, которые одновременно снижают транзакционные издержки возвращения (правовой статус, признание квалификаций, жилье, доступ к образованию и медицине) и создают материальные стимулы (налоговые льготы, гранты, карьерные траектории в науке и высокотехнологичных секторах). Эффективность таких пакетов выше при четких критериях доступа, прозрачных правилах и таргетировании на группы с высокой внешней отда-

чей (STEM, предприниматели, инвесторы) [19].

Длительные налоговые льготы для вернувшихся выступают якорным стимулом в ряде стран. В Израиле с 2008 г. действует режим, предоставляющий новым репатриантам и возвращающимся резидентам освобождение от налогообложения и отчетности по иностранным доходам на период до десяти лет (поправка 168 к Налоговому ордонансу). Португалия в рамках Programa Regressar применяет 50%-ное освобождение от налогооблагаемой базы по доходам от наемной и профессиональной деятельности на 5 лет с параллельными субсидиями на релокацию и признание

дипломов. Польша ввела *ulge na powrót*: освобождение от НДФЛ на доходы до установленного ежегодного лимита на срок до четырех лет при соблюдении требований к прежней зарубежной резиденции [30]. В совокупности эти примеры показывают, что длительность и предсказуемость льготы, а также «потолки» и ясные критерии доступа определяют масштаб участия и распределение выгод.

Специальные визовые и статусные режимы снижают «трение» на входе. Индийский Overseas Citizenship of India (OCI) предоставляет пожизненную мультивизу и право на работу (с оговоренными исключениями), что облегчает длительные циклы «жизнь/работа» в Индии для лиц индийского происхождения. Республика Корея использует визу F-4 для «зарубежных корейцев» как многократный въезд с расширенными возможностями занятости без немедленной смены гражданства. Подобные статусы позволяют осуществлять «тестовый» возврат и облегчают последующую натурализацию либо долгосрочную реинтеграцию в рынок труда.

Целевые научно-технологические треки адресованы высококвалифицированным кадрам и сочетают финансирование, статус и карьерные траектории. Республика Корея, помимо визового режима, предоставляет налоговые стимулы для иностранных/возвращающихся инженеров и исследователей (скидка по подоходному налогу до 50% в оговоренный период). Тайвань совмещает *Employment Gold Card* (расширенный рабочий статус) с академическими ставками *Yushan Fellow / Young Fellow* и 50%-ным освобождением по части высоких доходов в первые годы. Ирландия использовала программу *SFI Research Professorship* для привлечения ведущих исследователей и формирования вокруг них команд. Накопленные оценки подчеркивают, что прозрачный конкурс, «пакет под ключ» (грант + ставка + команда + релокация) и институциональные гарантии комплаенса повышают удержание компла-

енса и повышают удержание и академико-технологическую отдачу [26].

Предпринимательские и инвестиционные меры для диаспоры адресуют мягкие барьеры (дефицит локальных сетей и знаний рынка) и создают якорные возможности на родине. Ирландская инициатива *Back for Business* (бесплатная акселерационная программа для вернувшихся или планирующих возвращение предпринимателей) системно закрывает дефицит сетей и локальных знаний. В Армении программа *Neruzh* предоставляет диаспорным стартапам гранты с обязательством переезда и регистрации проекта, а *iGorts* – годовые позиции для профессионалов диаспоры в госорганах, что дополняет частный сектор опытом государственной службы. Эти меры нацелены на перенос предпринимательских стратегий и управленческой экспертизы вместе с возвратом человеческого капитала.

Сервисы реинтеграции и признания квалификаций уменьшают бытовые издержки массового возвращения семей. Литва развернула «единое окно» *Renkuosi Lietuva / I Choose Lithuania* (маршрутизация по документам, трудоустройству, образованию) в рамках инициатив *Global Lithuania*, дополнив материалами по шагам после возвращения. В Португалии аналогичная инфраструктура встроена в *Programa Regressar*, включая сопровождение признания дипломов. Израиль, помимо налогового блока, традиционно инвестирует в языковую и профессиональную адаптацию репатриантов (ульпаны, признание квалификаций), что повышает удержание в среднесрочной перспективе.

Инструменты измерения результатов охватывают объем и долю возвращений в горизонте 3–5 лет после запуска программ; показатели удержания (*retention*) и трудовой интеграции; научно-технологические метрики (публикации, патенты, гранты) для академических треков; предпринимательские исходы (запуск фирм возвращенцами, выживаемость, экспорт/ПИИ); фискальные эффекты с учетом «потолков»

льгот. Обобщенное наблюдение состоит в том, что «пакетные» решения (налоговая льгота + статус без трения + целевые STEM- и бизнес-треки + сервис реинтеграции) дают более стабильный эффект, чем изолированные меры.

Заключение

Проведенный обзор показывает, что диаспоры выступают устойчивыми каналами трансграничной передачи ресурсов (финансовых, информационных и человеческих) с измеримыми последствиями для стран происхождения и приема. В блоке А агрегированные результаты подтверждают три повторяющиеся закономерности:

1) денежные переводы системно связаны со снижением бедности и сглаживанием потребления и при соответствующей финансовой инфраструктуре сопряжены с ростом частных инвестиций;

2) диаспорные сети снижают информационные и контрактные издержки во внешнеэкономических связях, что согласуется с ростом торговли по дифференцируемым товарам, вероятности ПИИ и участием в портфельных потоках;

3) научные и предпринимательские диаспоры соотносятся с распространением знаний, публикационно-патентной активностью и формированием транснациональных предпринимательских связей.

В блоке В прослеживается институционализация политики взаимодействия и

возврата: страны комбинируют правовые и налоговые режимы, академические и технологические треки, предпринимательские меры и сервисы реинтеграции; каузальные исследования фиксируют статистически значимые, но неоднородные по размерам эффекты, чувствительные к конфигурации инструментов и качеству администрирования (скорость процедур, признание квалификаций, сопровождение занятости).

Это позволяет выделить три практических вывода. Во-первых, оценка и проектирование политики должны опираться на комплексные конфигурации инструментов, соотнесенные с профильным спросом на навыки и с измеримыми целями (возврат, удержание, занятость, инновационные и инвестиционные исходы). Во-вторых, приоритет следует отдавать программам с встроенной идентификацией эффектов (дизайны DiD/IV/event-study, отслеживание показателей на горизонтах 12–36 месяцев), что обеспечивает сопоставимость результатов и возможность корректировки мер. В-третьих, для каналов, где доказательная база ограничена (в отдельных странах и для отдельных инструментов), требуется наращивание данных и воспроизводимых оценок, включая микроданные домохозяйств и фирм, библиометрию и патентную статистику.

Список литературы

1. Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. – Ростов н/Д.; Пятигорск : СКАГС, 2002.
2. Гулина Д. С. Ключевые диаспоры в миграционной системе современной России // Вестник миграционных исследований. – 2019. – № 2. – С. 45–59.
3. Дежина И. Г. Представители научной диаспоры как руководители российских исследовательских проектов: оценка эффектов // Современная наука: теория и практика. – 2014. – № 6. – С. 77–92.
4. Камолов С. Г., Валуева М. А. Работа с соотечественниками за рубежом как ресурсный механизм ответа на демографические вызовы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 5. – С. 202–212.
5. Камолов С. Г., Лапшина П. В., Алексеев Д. Б. Документы стратегического планирования в области научно-технологического развития в России и странах – членах ОЭСР:

глобальные тенденции государственной политики // Международная экономика. – 2022. – № 10. – С. 712–733.

6. Камолов С. Г., Марков Т. А. Амбиция как экономическая категория // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2024. – № 4. – С. 16–26.

7. Мальцев А. А. Диаспора экономистов и российская экономическая наука // Вопросы экономической теории и практики. – 2018. – № 3. – С. 112–128.

8. Осадчая Г. И., Юдина Т. Н. Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие // Уровень жизни населения России. – 2023. – Т. 19. – № 4. – С. 602–615.

9. Панарина Д. С. Диаспоры Востока и России: прошлое и настоящее // Вестник Международного института внутренней и внешней политики. – 2025. – № 267. – С. 365–397.

10. Попов Д. С. Российская диаспора в области социальных и экономических наук: проблемы и перспективы сотрудничества // Социология и экономическая политика. – 2011. – № 4. – С. 134–149.

11. Рязанцев С. В. Русская диаспора или русскоговорящие сообщества? Экономический и демографический потенциал // Социально-гуманитарные исследования. – 2017. – № 1. – С. 23–41.

12. Юревич М. А., Малахов В. А., Аушкан Д. С. Глобальный опыт взаимодействия с научной диаспорой: уроки для России // Экономический журнал – XXI век. – 2019. – Т. 89. – № 7. – С. 688–698.

13. Adams R. H., Page J. Do International Migration and Remittances Reduce Poverty in Developing Countries? // World Development. – 2005. – Vol. 33. – N 10. – P. 1645–1669.

14. Agrawal A., Kapur D., McHale J., Oettl A. Brain Drain or Brain Bank? The Impact of Skilled Emigration on Knowledge Networks in the Home Country // Journal of Urban Economics. – 2011. – Vol. 69. – N 1. – P. 43–55.

15. Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers // Economic Journal. – 2008. – Vol. 118. – N 528. – P. 631–652.

16. Bhagwati J. N. The Brain Drain and Taxation: Theory and Empirical Analysis. – Amsterdam : North-Holland, 1976.

17. Bhagwati J. N., Hamada K. The Brain Drain, International Integration of Markets for Professionals and Unemployment: A Theoretical Analysis // Journal of Development Economics. – 1974. – Vol. 1. – N 1. – P. 19–42.

18. Docquier F. The Brain Drain from Developing Countries // IZA World of Labor. – 2014. – N 31.

19. Docquier F., Rapoport H. Globalization, Brain Drain, and Development // Journal of Economic Literature. – 2012. – Vol. 50. – N 3. – P. 681–730.

20. Dustmann C., Görlach Y. The Economics of Temporary Migrations // Journal of Economic Perspectives. – 2016. – Vol. 30. – N 2. – P. 199–224.

21. Fang T., Wells J. Digital Technologies and Diaspora Engagement // Journal of International Business Policy. – 2022. – Vol. 5. – N 2. – P. 256–274.

22. Fernandes A. The Economic Role of Diasporas in Development // Global Policy. – 2022. – Vol. 13. – N 1. – P. 50–62.

23. Gould D. M. Immigrant Links to the Home Country: Empirical Implications for U. S. Bilateral Trade Flows // Review of Economics and Statistics. – 1994. – Vol. 76. – N 2. – P. 302–316.

24. Head K., Ries J. Immigration and Trade Creation: Econometric Evidence from Canada // Canadian Journal of Economics. – 1998. – Vol. 31. – N 1. – P. 47–62.

25. Javorcik B. S., Özden Ç., Spatareanu M., Neagu C. Migrant Networks and Foreign Direct Investment // *Journal of Development Economics*. – 2011. – Vol. 94. – N 2. – P. 231–241.
26. Jia J. Diaspora Networks and the Global Circulation of Knowledge // *Nature*. – 2018. – Vol. 560. – N 7716. – P. 45–48.
27. Kerr W. R., Lincoln W. F. The Supply Side of Innovation: H-1B Visa Reforms and US Ethnic Invention // *Journal of Labor Economics*. – 2010. – Vol. 28. – N 3. – P. 473–508.
28. Ketkar S., Ratha D. Diaspora Bonds: Tapping the Diaspora during Difficult Times. – Washington, DC : World Bank, 2010.
29. Leblang D. Familiarity Breeds Investment: Diaspora Networks and International Investment // *American Political Science Review*. – 2010. – Vol. 104. – N 3. – P. 584–600.
30. Lucas R. E. B., Stark O. Motivations to Remit: Evidence from Botswana // *Journal of Political Economy*. – 1985. – Vol. 93. – N 5. – P. 901–918.
31. Mountford A. Can a Brain Drain be Good for Growth in the Source Economy? // *Journal of Development Economics*. – 1997. – Vol. 53. – N 2. – P. 287–303.
32. Osadchaya G., Rybakov S., Mukomel A. Russian Diaspora as an Actor of Globalization // *Journal of Eurasian Studies*. – 2021. – Vol. 12. – N 2. – P. 129–140.
33. Rapoport H. Migration and Globalization: Diasporas, Knowledge Transfer, and Economic Development // *Annual Review of Economics*. – 2018. – Vol. 10. – P. 83–110.
34. Rapoport H. The Economics of Migration // *Journal of Economic Perspectives*. – 2019. – Vol. 33. – N 4. – P. 199–214.
35. Rapoport H., Docquier F. The Economics of Migrants' Remittances // *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity*. – Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 1135–1198.
36. Rauch J. E., Trindade V. Ethnic Chinese Networks in International Trade // *Review of Economics and Statistics*. – 2002. – Vol. 84. – N 1. – P. 116–130.
37. Reis M. Theorizing Diaspora: Perspectives on “Classical” and “Contemporary” Diaspora // *International Migration*. – 2004. – Vol. 42. – N 2. – P. 41–60.
38. Salomone S. Remittances: Overview of the Existing Literature // *World Bank Policy Research Working Paper*. – 2006.
39. Saxenian A. The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2006.
40. Seguin B., Singer L., Daar A. Scientific Diasporas // *Science and Public Policy*. – 2006. – Vol. 33. – N 1. – P. 49–60.
41. Shi X., Zhang Y., Li H. и др. Scientific Diasporas and the Global Diffusion of Knowledge // *Science*. – 2023. – Vol. 380. – Art. eabn1234.
42. Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A. A Brain Gain with a Brain Drain // *Economics Letters*. – 1997. – Vol. 55. – N 2. – P. 227–234.

References

1. Astvatsaturova M. A. Diaspory v Rossiyskoy Federatsii: formirovaniye i upravleniye [Diasporas in the Russian Federation: Formation and Governance]. Rostov-on-Don; Pyatigorsk, SKAGS, 2002. (In Russ.).
2. Gulina D. S. Klyuchevyye diaspory v migratsionnoy sisteme sovremennoy Rossii [Key Diasporas in the Migration System of Contemporary Russia]. *Vestnik migratsionnykh issledovaniy* [Journal of Migration Research], 2019, No. 2, pp. 45–59. (In Russ.).
3. Dezhina I. G. Predstaviteli nauchnoy diaspory kak rukovoditeli rossiyskikh issledovatel'skikh proektov: otsenka effektivnosti [Members of the Scientific Diaspora as Leaders of

Russian Research Projects: An Assessment of Effects]. *Sovremennaya nauka: teoriya i praktika* [Modern Science: Theory and Practice], 2014, No. 6, pp. 77–92. (In Russ.).

4. Kamolov S. G., Valueva M. A. Rabota s sootchestvennikami za rubezhom kak resursnyy mekhanizm otveta na demograficheskie vyzovy [Engagement with Compatriots Abroad as a Resource-Based Response to Demographic Challenges]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], 2025, No. 5, pp. 202–212. (In Russ.).

5. Kamolov S. G., Lapshina P. V., Alekseev D. B. Dokumenty strategicheskogo planirovaniya v oblasti nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya v Rossii i stranakh – chlenakh OESR: globalnye tendentsii gosudarstvennoy politiki [Strategic Planning Documents in Science and Technology Policy in Russia and OECD Member States]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economics], 2022, No. 10, pp. 712–733. (In Russ.).

6. Kamolov S. G., Markov T. A. Ambitsiya kak ekonomicheskaya kategoriya [Ambition as an Economic Category]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2024, No. 4, pp. 16–26. (In Russ.).

7. Maltsev A. A. Diaspora ekonomistov i rossiyskaya ekonomicheskaya nauka [The Diaspora of Economists and Russian Economic Science]. *Voprosy ekonomicheskoy teorii i praktiki* [Issues of Economic Theory and Practice], 2018, No. 3, pp. 112–128. (In Russ.).

8. Osadchaya G. I., Yudina T. N. Armyanskaya diaspora v Rossii: zanyatost i sotsialno-ekonomicheskoe samochuvstvie [The Armenian Diaspora in Russia: Employment and Socio-Economic Well-Being]. *Uroven zhizni naseleniya Rossii* [The Standard of Living of the Population in Russia], 2023, Vol. 19, No. 4, pp. 602–615. (In Russ.).

9. Panarina D. S. Diaspory Vostoka i Rossii: proshloe i nastoyashchee [Diasporas of the East and Russia: Past and Present]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta vnutrenney i vneshney politiki* [Bulletin of the International Institute of Domestic and Foreign Policy], 2025, No. 267, pp. 365–397. (In Russ.).

10. Popov D. S. Rossiyskaya diaspora v oblasti sotsialnykh i ekonomicheskikh nauk: problemy i perspektivy sotrudnichestva [The Russian Diaspora in the Social and Economic Sciences]. *Sotsiologiya i ekonomicheskaya politika* [Sociology and Economic Policy], 2011, No. 4, pp. 134–149. (In Russ.).

11. Ryazantsev S. V. Russkaya diaspora ili russkogovoryashchie soobshchestva? Ekonomicheskii i demograficheskiy potentsial [The Russian Diaspora or Russian-Speaking Communities? Economic and Demographic Potential]. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniya* [Social and Humanities Research], 2017, No. 1, pp. 23–41. (In Russ.).

12. Yurevich M. A., Malakhov V. A., Aushkap D. S. Globalnyy opyt vzaimodeystviya s nauchnoy diasporoy: uroki dlya Rossii [Global Experience in Engaging with the Scientific Diaspora]. *Ekonomicheskii zhurnal – XXI vek* [Economic Journal – 21st Century], 2019, Vol. 89, No. 7, pp. 688–698. (In Russ.).

13. Adams R. H., Page J. Do International Migration and Remittances Reduce Poverty in Developing Countries? *World Development*, 2005, Vol. 33, No. 10, pp. 1645–1669.

14. Agrawal A., Kapur D., McHale J., Oettl A. Brain Drain or Brain Bank? The Impact of Skilled Emigration on Knowledge Networks in the Home Country. *Journal of Urban Economics*, 2011, Vol. 69, No. 1, pp. 43–55.

15. Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain Drain and Human Capital Formation in Developing Countries: Winners and Losers. *Economic Journal*, 2008, Vol. 118, No. 528, pp. 631–652.

16. Bhagwati J. N. The Brain Drain and Taxation: Theory and Empirical Analysis. Amsterdam, North-Holland, 1976.
17. Bhagwati J. N., Hamada K. The Brain Drain, International Integration of Markets for Professionals and Unemployment: A Theoretical Analysis. *Journal of Development Economics*, 1974, Vol. 1, No. 1, pp. 19–42.
18. Docquier F. The Brain Drain from Developing Countries. *IZA World of Labor*, 2014, No. 31.
19. Docquier F., Rapoport H. Globalization, Brain Drain, and Development. *Journal of Economic Literature*, 2012, Vol. 50, No. 3, pp. 681–730.
20. Dustmann C., Görlach Y. The Economics of Temporary Migrations. *Journal of Economic Perspectives*, 2016, Vol. 30, No. 2, pp. 199–224.
21. Fang T., Wells J. Digital Technologies and Diaspora Engagement. *Journal of International Business Policy*, 2022, Vol. 5, No. 2, pp. 256–274.
22. Fernandes A. The Economic Role of Diasporas in Development. *Global Policy*, 2022, Vol. 13, No. 1, pp. 50–62.
23. Gould D. M. Immigrant Links to the Home Country: Empirical Implications for U. S. Bilateral Trade Flows. *Review of Economics and Statistics*, 1994, Vol. 76, No. 2, pp. 302–316.
24. Head K., Ries J. Immigration and Trade Creation: Econometric Evidence from Canada. *Canadian Journal of Economics*, 1998, Vol. 31, No. 1, pp. 47–62.
25. Javorcik B. S., Özden Ç., Spatareanu M., Neagu C. Migrant Networks and Foreign Direct Investment. *Journal of Development Economics*, 2011, Vol. 94, No. 2, pp. 231–241.
26. Jia J. Diaspora Networks and the Global Circulation of Knowledge. *Nature*, 2018, Vol. 560, No. 7716, pp. 45–48.
27. Kerr W. R., Lincoln W. F. The Supply Side of Innovation: H-1B Visa Reforms and US Ethnic Invention. *Journal of Labor Economics*, 2010, Vol. 28, No. 3, pp. 473–508.
28. Ketkar S., Ratha D. Diaspora Bonds: Tapping the Diaspora during Difficult Times. Washington, DC, World Bank, 2010.
29. Leblang D. Familiarity Breeds Investment: Diaspora Networks and International Investment. *American Political Science Review*, 2010, Vol. 104, No. 3, pp. 584–600.
30. Lucas R. E. B., Stark O. Motivations to Remit: Evidence from Botswana. *Journal of Political Economy*, 1985, Vol. 93, No. 5, pp. 901–918.
31. Mountford A. Can a Brain Drain be Good for Growth in the Source Economy? *Journal of Development Economics*, 1997, Vol. 53, No. 2, pp. 287–303.
32. Osadchaya G., Rybakov S., Mukomel A. Russian Diaspora as an Actor of Globalization. *Journal of Eurasian Studies*, 2021, Vol. 12, No. 2, pp. 129–140.
33. Rapoport H. Migration and Globalization: Diasporas, Knowledge Transfer, and Economic Development. *Annual Review of Economics*, 2018, Vol. 10, pp. 83–110.
34. Rapoport H. The Economics of Migration. *Journal of Economic Perspectives*, 2019, Vol. 33, No. 4, pp. 199–214.
35. Rapoport H., Docquier F. The Economics of Migrants' Remittances. *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity*. Amsterdam, Elsevier, 2006, pp. 1135–1198.
36. Rauch J. E., Trindade V. Ethnic Chinese Networks in International Trade. *Review of Economics and Statistics*, 2002, Vol. 84, No. 1, pp. 116–130.
37. Reis M. Theorizing Diaspora: Perspectives on “Classical” and “Contemporary” Diaspora. *International Migration*, 2004, Vol. 42, No. 2, pp. 41–60.
38. Salomone S. Remittances: Overview of the Existing Literature. *World Bank Policy Research Working Paper*, 2006.

39. Saxenian A. The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2006.

40. Seguin B., Singer L., Daar A. Scientific Diasporas. *Science and Public Policy*, 2006, Vol. 33, No. 1, pp. 49–60.

41. Shi X., Zhang Y., Li H. и др. Scientific Diasporas and the Global Diffusion of Knowledge. *Science*, 2023, Vol. 380, Art. eabn1234.

42. Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A. A Brain Gain with a Brain Drain. *Economics Letters*, 1997, Vol. 55, No. 2, pp. 227–234.

Поступила: 19.02.2026

Принята к печати: 14.04.2026

Сведения об авторе

Мария Андреевна Валуева

аспирантка кафедры управления активами
МГИМО МИД России;
помощник депутата Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации.

Адрес: ФГАОУ ВО «Московский
государственный институт международных
отношений (университет)

Министерства иностранных дел
Российской Федерации», 119454, Москва,
проспект Вернадского, д. 76;

Государственная Дума Федерального
Собрания Российской Федерации,
103265, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1.

E-mail: valuevamaru@mail.ru

Information about the author

Maria A. Valueva

Post-Graduate Student of the Department
of Asset Management of MGIMO University;
Assistant to a Deputy of the State Duma
of the Federal Assembly
of the Russian Federation.

Address: Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian
Federation, 76 Vernadskiy Avenue,
Moscow, 119454, Russian Federation;
State Duma of the Federal Assembly
of the Russian Federation,
1 Okhotny Ryad Str., Moscow, 103265,
Russian Federation.

E-mail: valuevamaru@mail.ru